

Глава 11. Один бокал вина.

— Это правда, что намечается междоусобица сил Хаоса? – отец Себастьян отпивает глоток белого вина.

— В этой партии я играю за обе стороны, — мне, как «мелкому», вино не положено, поэтому я наслаждаюсь неплохим лимонадом.

— Хорошо... — инквизитор заметно расслабляется. Кажется, мысль о столкновении демонов на его территории отца Себастьяна не грела совершенно. И я склонен отнестись к этому с пониманием: такие вещи всегда не к месту и не ко времени. – Держи, — святой отец протягивает мне письмо, написанное неровным, торопливым почерком.

Вскрыв конверт, я углубляюсь в этот шедевр эпистолярного жанра. И что с того, что я намного лучше автора послания знаю обо всем, что она пытается до меня донести? Ведь девочка так старалась его доставить! Так что не прочитать послание – было бы в высшей степени невежливо. А заодно – неплохо бы понять: не написала ли Джинни чего-нибудь, из-за чего это письмо стало бы нежелательно показывать посторонним, а в особенности – лично Дамблдору.

Хм... Умненькая девочка. Ухитрилась сказать все, что нужно, не сказав практически ничего. Так что когда Драко отдаст это письмо Сейлине в присутствии Дамблдора – директору многое придется пояснять.

— Асси! – и домовушка с легким хлопком появляется перед нами, под заинтересованным взглядом инквизитора.

— Господин, чего изволите приказать? – Асси с небывалым достоинством подмела ушами пол и ожидающе посмотрела на меня.

— Да. – Глаза домовушки вспыхивают радостью. – Передай этот конверт Драко Малфой, эсквайру, лично в руки.

— Да, господин. Обязательно, господин!

— Но, смотри: только ему, и, желательно, когда рядом никого не будет. Включая других слугителей дома Малфой!

— Я не подведу Вас, господин! Никто не узнает, от кого наследник Малфой получил это письмо! – глаза Асси полыхнули искрами пламени Удуна. Пока что – искрами.

Домовушка исчезла. Я же посмотрел на инквизитора, «всецело сосредоточенного на бокале с вином». Отец Себастьян держал паузу... Но и мне было о чем подумать. Так что уютное молчание накрыло комнату. Сеть возможных вариантов, запущенных интригой с «ковеном черных магов, соблазненных коварным Хаосом» была слишком широкой, чтобы быть уверенным в том, что все пойдет «так как надо». Так что готовность к экстренной коррекции, похоже, теперь надолго будет моим грузом, которым я не смогу поделиться с Внутренним кругом. А вот о чем размышлял инквизитор... Нет уж, лезть в ЭТИ мозги – не самая лучшая идея. Далеко не самая. И защита, подпертая могущественным эгрегором, тут почти ни при чем. Важнее была плотнейшая сенсорная сеть, перекрывающая все возможные направления сближения, и не оставляющая надежды сделать это хоть сколько-нибудь незаметно. Наконец, отец Себастьян улыбнулся и отставил бокал в сторону.

— В первый раз вижу демонического домовика, — заинтересованно посмотрел он на меня.

— Ага, — мне ничего не оставалось, кроме как согласиться. – Аж самому любопытно: что из нее в результате получится?

— И не боишься того, что «из нее в результате получится»? – продолжил спрашивать отец Себастьян.

— Демонов бояться – в варп не ходить! – «слегка» исказил я поговорку под свои нужды.

— И то верно! – рассмеялся инквизитор.

— И, кстати, о демонах... — задумчиво протянул я, отхлебывая лимонад. – Как там мои «родственнички»? Знают уже о том, что их чадо стало волшебником?

— Сила Священной Инквизиции – есть Дар Господень, и не смейте называть это грязным колдовством! – деланно обиделся отец Себастьян, но долго не выдержал и рассмеялся. – Нет. Не знают. Им скормили ту самую «официальную версию», которую я только что озвучил, а большего им знать и не надо.

— А как оно на самом деле? – заинтересовалась Миа, войдя в гостиную, где мы, собственно, и сидели.

Старшие Грейнджеры были в своей клинике, а сама девочка выходила, чтобы дать указания своей домовушке относительно ужина. Мы с отцом Себастьяном сделали попытку убедить ее, что приказать Ильке она может и в нашем присутствии, но Миа жестко ответила, что «у девушки должны быть свои секреты», и вышла. А вот теперь она вернулась. Разговор-то она слышала если и хуже, чем я, то не намного.

— А кто же его знает? Истина – множественна и вероятностна, и мы можем лишь предпринимать усилия в попытке познать ее.

Мы с Миа ошеломленно посмотрели друг на друга, услышав в устах инквизитора один из излюбленных постулатов адептов Владыки Изменчивых ветров. Увидев это, отец Себастьян улыбнулся, и изложил нам историю «Огней Святого Игнатия»* в том виде, в котором ее не сыщешь ни в каких работах историков, кроме разве что тех, которые с грифом «не для всех». В ответ на наше еще возросшее удивление, инквизитор уточнил, что, уровень доступа к этой информации определяется исключительно решением протекторов территории, к которым он и относится. Так что решить, что ознакомление неких школьников с необщеизвестной информацией – послужит ко благу Церкви, вполне в пределах его компетенции.

/*Прим. автора: саму историю – см. «Школьный демон. Второй курс» глава 125 «Вдали от всех»*/

Я улыбнулся. Все-таки, в отличие от лжи, манипуляции правдой остаются эффективны, даже если объект манипуляции о них знает. И в данном случае, история противостояния Псов Господних и Общества Иисуса не могла не настроить меня в пользу первых. Не то, чтобы я и до этого не симпатизировал отцу Себастьяну... или чтобы эта симпатия заставила дрогнуть мою руку, если вдруг что... Но вот в менее экстремальном политическом маневрировании я буду склонен чуточку подыгрывать инквизитору... впрочем, как и он – мне.

— Святой отец, — поинтересовалась Миа, — а почему Вы так явно симпатизируете... ну...

— Демону? – с улыбкой подбодрил девочку отец Себастьян.

— ... да... — кивнула Миа, заливаясь краской.

— Все очень просто, — снова улыбнулся инквизитор. — Во-первых, он принял мое благословение, а значит, как бы он себя не называл — он человек в большей степени, чем многие из моих знакомых, которые никогда не заглядывали в варп. А во-вторых, мир неторопливо сползает в пропасть. То, что некогда казалось хорошим решением — Статут Секретности, оказалось ошибкой, и, надеюсь, мы успели это осознать прежде, чем она стала непоправимой, хотя я в этом и не уверен.

— Ошибкой? — удивилась Миа.

— Именно. Увы, но возможности познания, предлагаемые наукой, те, что казались безграничными во времена Возрождения, оказались до боли ограниченными. В нашей Солнечной системе просто нет планет, которые можно было бы колонизировать. А если не расширять ареал человечества — то рано или поздно мы последуем за динозаврами. И необязательно это будет метеорит: уже сейчас мы держимся за счет запредельной эксплуатации ресурсов. Численность человечества превысила «поддерживающую емкость среды», если вам эти слова что-то говорят.

— А при чем здесь наука? — кажется, сегодня отец Себастьян поставил себе задачу довести Миа до полного ступора от непрерывного разрыва шаблона.

— Световой барьер. То, о чем узнали еще в начале прошлого века. Этот предел надежно отделил нас от звезд, — вздохнул инквизитор. — Маги могли бы дать толчок к созданию новой парадигмы*, но увы — магическое сообщество стагнирует еще сильнее, чем маггловское.

/*Прим. автора: Парадигма (от греч. «пример, модель, образец») — совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества*/

— Вам нужен варп-двигатель? — усмехнулся я.

— И варп-двигатель, и хоры астропатов, и поле Геллера...

/*Прим. автора: варп-двигатель (скачковый двигатель) — способ преодолевать огромные пространства «срезая путь» через варп. Хор астропатов — способ межзвездной связи. Поле Геллера — защищает корабли, идущие через варп, от обитателей имматериума — демонов*/

— Это... — Миа задыхнулась, — ...это получается, что мы... должны спасти мир?

— Нет, — покачал головой инквизитор. — Вы ничего не должны. И Церковь не складывает все яйца в одну корзину: мы наблюдаем за вами здесь, в Британии, и за несколькими недовольными магами в Дурмштранге и Шармбатоне. И даже ведем переговоры с Православной церковью, и отправили своих людей в Китеж... В общем, надеемся, что у кого-нибудь что-нибудь да выйдет... А не выйдет — что ж. Мы будем знать, что сделали все, что могли.